

Цзи Гуаньци говорил с такой искренней непринужденностью, а его давняя репутация заботливого и ответственного старшего брата была настолько безупречной, что ни у кого и мысли не возникло искать в его словах скрытый умысел. Стоявший рядом Цяо Ю с надеждой уставился на Бессмертного почтенного Чжэньнаня:

— Учитель, взгляните на младшего брата! Он ранен, и очень тяжело.

Бессмертный почтенный Чжэньнань не сводил глаз с Цзи Гуаньци. Он прекрасно понимал, что юноша не кривит душой и действительно мог так сказать, однако внутри все равно шевельнулось глухое раздражение.

— Я уже запечатал его духовные силы, — холодно отозвался Чжэньнань, даже не думая уходить. Взмахнув широким рукавом, он добавил: — Ступайте.

Это решение удивило Цзи Гуаньци. Он-то полагал, что наставник тут же сорвется с места, ведь Си Яо всегда оставался его любимчиком.

Но спорить с Бессмертным почтенным Чжэньнанем, известным своим непреклонным нравом, было бесполезно — если уж он принял решение, никакие мольбы Цяо Ю не помогли бы. В итоге Цяо Ю пришлось подчиниться: бережно подхватив раненого Си Яо, он поспешил обратно в орден.

— А ты разве не пойдешь с ними? — внезапно спросил Чжэньнань.

Вопрос предназначался Сяо Танцину. Все взгляды тут же устремились на него. Сяо Танцин слегка переменялся в лице, но быстро взял себя в руки и почтительно склонился:

— У третьего младшего брата высокий уровень совершенствования, вряд ли кто-то посмеет встать у него на пути. Я же предпочту остаться здесь и сопровождать учителя.

Чжэньнань лишь вскользь одарил его бесстрастным взглядом. Этот взор, лишенный каких-либо эмоций, заставил Сяо Танцина инстинктивно отступить на шаг и поспешно опустить голову, не смея смотреть наставнику в глаза.

После случившегося все стали куда бдительнее. Чжэньнань вернулся в полуразрушенный храм, собираясь немного отдохнуть. Цзи Гуаньци уже собирался выйти наружу, чтобы прибраться на месте стычки, но наставник окликнул его:

— Гуаньци.

Юноша замер у порога и обернулся.

— Слушаю вас, учитель. Есть какие-то поручения?

Вместо ответа к нему полетел какой-то мелкий предмет. Цзи Гуаньци машинально поймал его на лету.

— Прими это. Противоядие, — не открывая глаз, небрежно бросил Чжэньнань.

Цзи Гуаньци замер в замешательстве. Он тщательно скрывал рану под широким рукавом и никому о ней не рассказывал, намереваясь заняться ею позже в одиночестве. Оказалось, от пронизательного взора Бессмертного почтенного ничто не укрылось. Крошечный фарфоровый флакончик приятно тяжелил ладонь.

— Благодарю, учитель, — поклонился Цзи Гуаньци.

Полагая, что это обычное противоядие — точно такое же, какое наставник только что выделил Си Яо, — он вытащил пробку. Однако стоило открыть флакон, как по храму разлился густой, необычайно тонкий аромат. Любому знатоку стало бы ясно: пилюля внутри — редчайшее сокровище высочайшего класса.

Но сильнее всех изумился сам Цзи Гуаньци. Он прекрасно помнил, что в прошлой жизни эту драгоценную пилюлю наставник отдал Си Яо.

— Учитель, — поспешно заговорил Цзи Гуаньци, — вы, должно быть, ошиблись. Это снадобье слишком дорогое.

— Ошибки нет, — отозвался Чжэньнань. Он разомкнул веки и пристально посмотрел на ученика. — Оно предназначалось именно тебе.

Помедлив мгновение, Чжэньнань поднялся и неспешно подошел ближе. Наставник превосходил его ростом, а исходящая от него тяжелая аура заставила Цзи Гуаньци инстинктивно отшатнуться. Однако Чжэньнань мягко, но крепко сжал его плечо, лишая возможности отступить. Юноша растерялся, но в следующее мгновение ощутил, как в его забитые, истерзанные каналы хлынул поток невероятно чистой, мощной духовной энергии. Отравивший его яд отступил, а застоявшаяся ци вновь заструилась по меридианам.

— Чего ты ждешь? Глотай пилюлю, — не терпящим возражений тоном скомандовал Чжэньнань.

Сжав в пальцах прохладный фарфор, Цзи Гуаньци поколебался лишь секунду, а затем вытряхнул круглую бусину на ладонь и проглотил её.

За его спиной, в отличие от изнеженного Си Яо, не стояла толпа преданных заступников. Его собственные меридианы и без того пребывали в плачевном состоянии, и если бы из-за яда возникли необратимые последствия, винить пришлось бы только себя. Раз уж Бессмертный почтенный сам протянул ему лекарство, глупо было строить из себя гордеца.

К тому же... в прошлой жизни эту траву для пилюли добыл именно он. Так что он имел на нее полное право.

— Ну как? — спросил Чжэньнань, убедившись, что духовные потоки в теле ученика выравниваются. — И впредь держись подальше от сомнительных личностей.

— Учитель, но ведь раны младшего брата Си Яо были куда опаснее моих. Почему же эта пилюля... — Цзи Гуаньци все-таки не удержался от вопроса. Поведение Чжэньнаня казалось до крайности странным. В голове промелькнула пугающая догадка, заставившая его взгляд на миг похолодеть. Однако он тут же нацепил привычную маску глубокого почтения: — И еще... почему в последнее время вы не берете с собой Расписную алебарду, уравнивающую небеса? В этих краях бесчинствуют темные практики. Если они нападут исподтишка, без верного оружия вам придется несладко.

— Пустяки, — коротко обронил Чжэньнань.

Цзи Гуаньци мысленно усмехнулся. Сколько он помнил наставника, тот всегда ценил свои слова на вес золота. Молчаливый, суровый, он общался короткими рублеными фразами и почти никогда никого не удостаивал долгим разговором, отдавая все время исключительно медитациям и самосовершенствованию.

Выйдя во двор, Цзи Гуаньци украдкой оглянулся на высокую фигуру у древнего изваяния. Собственные подозрения вдруг показались ему нелепыми.

«С чего я вообще взял, будто наставник тоже переродился? Будь это так, он бы первым делом с треском вышвырнул меня из ордена, а не терпел подле себя все это время».

Что же касается спасенной пилюли, то это, скорее всего, было лишь следствием изменений из-за его собственного перерождения. Цзи Гуаньци лишь гадал, к добру ли эти перемены или к худу.

Каменное божество в глубине храма, заботливо очищенное Цзи Гуаньци от многолетней пыли, взидало на мир со скорбным и мягким прищуром, словно безмолвно созерцая все горести и радости смертных.

Оставшись в одиночестве, Чжэньнань медленно повернулся к изваянию. Постояв так какое-то время, он опустился на колени. С его губ слетели тихие, едва различимые слова молитвы — но в пустом храме некому было их услышать.

Стоило Цяо Ю увести раненого Си Яо, как среди молодых адептов поднялся взволнованный шепоток. За то короткое время, что Си Яо провел в ордене, он успел очаровать многих соучеников. Расспрашивать угрюмого Сяо Танцина никто не осмелился, поэтому толпа сразу же окружила Цзи Гуаньци.

— Младший брат Цяо Ю силен, он быстро доставит Си Яо в орден, — с мягкой, успокаивающей улыбкой ответил им Цзи Гуаньци. — К тому же старейшины сразу выделяют целебные снадобья. Не волнуйтесь, его жизни ничего не угрожает.

Ученики облегченно вздохнули и уже собирались расспросить о подробностях схватки, но обнаружили, что старший брат незаметно ускользнул.

— Старший брат действительно такой, как о нем говорят, — благородный, заботливый и мягкий, — негромко произнес один из адептов. — Вот только с уровнем совершенствования ему не повезло...

— Природа обделила его выдающимся талантом, хотя упорства ему не занимать, — согласился другой. — Но если сравнивать его с первыми учениками других великих орденов, то разница, конечно... Эх, действительно жаль.

Договорить они не успели — по их спинам внезапно пробежал ледяной сквозняк. Оглянувшись, они обомлели: прямо за ними высился помрачневший Сяо Танцин. Его холодный, колющий взгляд медленно прошелся по перепуганным лицам.

— Ступайте на плац и примите наказание за праздные разговоры, — бесстрастно вымолвил он.

— Слушаемся, старший брат, — пролепетали провинившиеся и, не смея перечить, тут же пали на колени.

Возвращавшийся к храму Цзи Гуаньци издали приметил стоящих на коленях учеников. Заметив неподалеку Сяо Танцина, он благоразумно решил не ввязываться в чужие разборки и, круто развернувшись, пошел в обход.

Обойдя святилище вдоль стены, Цзи Гуаньци шел, держась прямо. Под простым поясом его фигура казалась хрупкой и тонкой, но именно этот силуэт заставил Сяо Танцина застыть на месте. Он неотрывно смотрел вслед уходящему юноше. В памяти Сяо Танцина вновь всплыл тот зыбкий образ, который он мельком разглядел сквозь пелену тумана перед тем, как потерять сознание. Тот человек был поразительно похож на таинственного спасителя, вынесшего его из опасного тайного царства три месяца назад.

И этот же силуэт сейчас в точности угадывался в Цзи Гуаньци.

«Нет, этого не может быть, — одернул себя Сяо Танцин. — Все в один голос твердили, что в тот момент Гуаньци находился на другом конце деревни. К тому же, знай он о моем ранении, разве бросил бы меня там одного? И три месяца назад... тогда он сам едва оправился после тяжелых травм. Ему бы просто не хватило сил пробраться вглубь тайного царства».

— Видимо, я совсем потерял покой, раз мне всюду мерещится один и тот же человек, — с глухой усмешкой пробормотал Сяо Танцин и покачал головой.

Посёлок Ло полностью обезлюдел — живых душ в нем не осталось. И все же эта вылазка принесла зацепку: обыскав останки взорвавших себя практиков, adeпты обнаружили странные обереги, испещренные тусклыми золотистыми знаками. Даже Сяо Танцин, знаток запретных и темных искусств, не сумел разгадать значение этой вязи.

— Когда вернемся в орден, я обыщу библиотеку и сверю эти узоры с древними трактатами, — задумчиво произнес он.

— Хорошая мысль, — безучастно отозвался Цзи Гуаньци.

Сяо Танцин помедлил, а затем как бы невзначай добавил:

— Эти символы опасны. Они туманят разум, вызывая непреодолимое желание практиковать сокрытые в них техники. Поразительно сильное внушение.

— В таком случае тебе стоит быть предельно осторожным, — ровным тоном ответил Цзи Гуаньци.

Сяо Танцин долго стоял посреди разоренного двора, сжимая в ладони находки. Лишь когда силуэт Цзи Гуаньци окончательно растаял вдали, он нехотя спрятал амулеты в мешочек Цянькунь.

По пути из посёлка Ло в Город Весенних Вод отряд наткнулся на тела нескольких темных практиков. Они лежали у обочины, иссохшие, словно осенняя солома, с полностью разрушенными каналами ци. Чжэньнаню хватило мимолетного взгляда, чтобы вынести вердикт: несчастных лишили жизни, дочиста выкачав из них всю духовную энергию.

— Что за жуткая техника? — прошептал кто-то из учеников. — Никогда о подобном не слышал.

Ответом ему стало зловещее молчание.

Убедившись, что поблизости больше нет врагов, Бессмертный почтенный Чжэньнань двинулся дальше, не став углубляться в расследование. Адепты поспешили следом. Сяо Танцин попытался пристроиться за наставником, но тот внезапно обернулся и посмотрел на него в упор. Сяо Танцин замер, словно его окатили ледяной водой. Это мимолетное столкновение

взглядов оставило гнетущее ощущение, будто учитель видит его насквозь и знает каждую его тайну.

Но ведь он действовал крайне скрытно и не допускал промашек! Никаких улик остаться не могло.

Чжэньнань, впрочем, не проронил ни слова, и Сяо Танцин попытался убедить себя, что это лишь разыгравшаяся от страха совесть.

Цзи Гуаньци, прислонившись к дереву, безучастно разглядывал иссохшие трупы. Ему не нужно было гадать, чьих рук это дело. Внутренне он лишь горько вздохнул: Сяо Танцин упрямо следовал по предначертанному когда-то пути саморазрушения. Интересно, кто на сей раз принесет себя в жертву ради его спасения?

«Как бы там ни было, — мысленно усмехнулся Цзи Гуаньци, — это точно буду не я».

Полет на мечях от посёлка Ло до Города Весенних Вод занял чуть больше часа. Драгоценная пилюля Чжэньнана сотворила чудо: чернота на тыльной стороне ладони Цзи Гуаньци полностью исчезла, а ци заструилась по телу с двойной силой, прочищая даже застарелые застои.

Снадобье было настолько чудодейственным, что Цзи Гуаньци невольно пожалел, что у него нет рецепта или возможности раздобыть еще парочку таких флаконов.

— О чем задумался? — раздался рядом холодный голос Чжэньнана. Наставник летел вровень с ним и сразу заметил чужую отрешенность. — Яд все еще беспокоит?

— Мое состояние полностью пришло в норму. Благодарю за заботу, учитель, — незамедлительно ответил Цзи Гуаньци.

Он держался безупречно вежливо, выдерживая идеальную дистанцию и не допуская ни малейшей вольности. В прошлой жизни он вел себя точно так же, но Чжэньнаню упорно казалось, что между ними пролегла незримая трещина.

Раньше в глазах юноши всегда читалось робкое, тщательно подавляемое желание оказаться ближе к наставнику. Теперь же во всем его облике сквозило лишь холодное, глухое безразличие.

— Нам ни к чему эти церемонии, — не выдержав затянувшегося молчания, негромко произнес Чжэньнань.

— Ученик не смеет нарушать приличия, — еще ниже склонил голову Цзи Гуаньци. — Мое почтение к вам безгранично, и я обязан соблюдать устав.

— И только почтение? — вкрадчиво спросил Чжэньнань, и его взгляд потемнел.

Цзи Гуаньци в замешательстве вскинул голову. Подобные расспросы со стороны всегда безучастного Чжэньнаня казались верхом нелепости. Однако эта неподдельная растерянность на лице юноши почему-то смягчила сердце наставника — в его обычно ледяном взоре мелькнула редкая теплая искра.

— Как только вернемся в орден, перевези свои вещи во Дворец Чжэньнань, — добавил он.

Цзи Гуаньци едва совладал со своими чувствами. Маска безупречного спокойствия чуть не дала трещину. Наставник уловил секундное колебание и опасно прищурился:

— Ты недоволен?

— Что вы, учитель! Для меня это огромная честь, — поспешно заверил его Цзи Гуаньци, решив не искушать судьбу. Он понятия не имел, какие цели преследует великий Бессмертный почтенный Чжэньнань.

В прошлой жизни Цзи Гуаньци от подобного предложения прыгал бы от счастья и не спал три дня. Но тот наивный юноша остался в могиле.

В конце концов, пережив гибель, начинаешь ценить покой куда больше призрачной близости.

Доброжелательный тон ученика явно пришелся Чжэньнаню по душе. Его внезапное благодушие ощутили даже те, кто летел позади всех. Сяо Танцин не удержался, нагнал Цзи Гуаньци и тихо спросил:

— Что ты ему сказал? Наш достопочтенный учитель прямо-таки сияет.

— Наставник хочет перевести младшего брата Си Яо во Дворец Чжэньнань сразу по возвращении, — с самым невозмутимым видом соврал Цзи Гуаньци.

Сяо Танцин запнулся. Он бросил быстрый взгляд на летящего впереди Чжэньнаня и переспросил:

— Младшего брата?

— Да. Учитель видит в нем невероятный потенциал и считает его будущим столпом нашего ордена. Разумеется, он хочет обучать его лично, — Цзи Гуаньци врал так искренне и уверенно, что Сяо Танцин, знавший его как честнейшего человека, не усомнился ни на йоту.

Лишь лицо Сяо Танцина заметно омрачилось, и до самого конца пути он больше не делал попыток заговорить с Цзи Гуаньци.

Цзи Гуаньци мысленно похвалил себя за находчивость. Каким бы ласковым ни притворялся Сяо Танцин в последнее время, его истинные помыслы всегда вращались вокруг Си Яо.

Просто один из соперников — Цяо Ю — выставлял свои чувства напоказ, а второй — Сяо Танцин — таил их в глубине души. Впрочем, главным кукловодом в этой любовной драме все равно оставался их великий наставник.

Оставшись наедине со своими мыслями, Цзи Гуаньци наслаждался покоем и живописными видами, пока Чжэньнань снова не велел ему лететь рядом. Они двигались бок о бок в абсолютном молчании. Атмосфера между ними сделалась невыносимо натянутой.

— Синий Луань капризничает, отказывается от пищи и совсем отбилась от рук, — нарушил тишину Чжэньнань. — Этот упрямый зверь слушается только тебя.

— Духовные птицы своенравны по природе, — мягко ответил Цзи Гуаньци. — Возможно, дело лишь в том, что корм пришелся ему не по вкусу.

Чжэньнань посмотрел на его опущенные ресницы и покорный вид. В груди шевельнулась досада, уголки губ недовольно опустились.

— С тех пор как я покинул уединение, ты навестил Дворец Чжэньнань лишь однажды.

Цзи Гуаньци едва сдержал ироничную ухмылку. В прошлой жизни он ходил туда как на службу, чем изрядно досаждал наставнику. Теперь же, когда он проявил благоразумие и отдалился, Бессмертный почтенный вновь выказывал недовольство. Поистине, нрав великих культиваторов капризен и непостижим.

— Скоро откроется Обитель небожителей, — почтительно пояснил Цзи Гуаньци. — Я был полностью поглощен подготовкой всего необходимого для вашего похода.

Обитель небожителей считалась одним из величайших тайных миров. Находящиеся там сокровища могли свести с ума любого практика, но врата туда открывались лишь раз в несколько десятилетий. Весть о скором открытии тайного царства всполошила все великие ордены, поспешившие начать подготовку.

Цзи Гуаньци отлично помнил, сколько бесценных артефактов Чжэньнань вынес оттуда в его прошлой жизни. Почти все они достались Си Яо, а Цяо Ю и Сяо Танцин получили лишь жалкие крохи.

Сам же Цзи Гуаньци... в тот раз он получил тяжелейшие ранения и был вынужден в одиночку

ковылять обратно в орден.

К его возвращению все сокровища уже разделили, и никто даже не подумал оставить ему хоть какую-то мелочь.

— Не утруждай себя понапрасну, пусть этим займутся младшие ученики, — неожиданно мягко произнес Чжэньнань. — В Обители небожителей ты будешь сопровождать меня. Держись рядом и не отходи ни на шаг.

— Как прикажете, учитель, — покладисто согласился Цзи Гуаньци, решив, что разберется с этим на месте.

Взбодрившийся Чжэньнань резко прибавил скорость. Летевшие позади адепты едва поспевали за ним, тяжело дыша от усталости, и к моменту, когда на горизонте показался Город Весенних Вод, они едва держались на ногах.

— Наконец-то... Город Весенних Вод... — шумно отдуваясь, выдавил один из учеников. — Теперь мы сможем отдохнуть.

Путь, который обычно занимал около трех часов, они преодолели за час с небольшим. Измученные безумной гонкой юноши уныло брели к воротам, опустив головы.

— Ты действительно жил здесь раньше? — поравнявшись с Цзи Гуаньци, спросил Сяо Танцин.
— И когда же?

— Сболтнул первое, что пришло в голову, чтобы припугнуть тех практиков, — усмехнулся Цзи Гуаньци, разглядывая искусно вырезанные на крепостной стене иероглифы «Город Весенних Вод».

На самом деле он никогда не бывал в этих краях и не знал здешних мест, но заезжему путнику везде нужна лишь крыша над головой. Стоило им миновать ворота, как перед ними открылось зрелище, не идущее ни в какое сравнение с унылым посёлком Ло. Несмотря на близость, эти два места разделяла пропасть — Город Весенних Вод так и дышал богатством и суетой.

Название города полностью себя оправдывало: его опоясывал глубокий оборонительный ров, а прямо через жилые кварталы несла свои чистые воды полноводная Река Весенних Вод. Днем по ней лениво скользили прогулочные ялики, а с наступлением сумерек зажигались огни на нарядных цветочных лодках. В самом центре возвышалась резиденция градоначальника — великолепный чертог с резными карнизами, окутанный плотным облаком чистейшей природной ци.

Подобные процветающие полисы обычно служили домом для нескольких влиятельных кланов заклинателей, поэтому Чжэньнань и его свита поспешили скрыть свои истинные духовные

ауры. Наставник терпеть не мог суеты, и Цзи Гуаньци строго-настрого запретил ученикам упоминать имя Ордена Сюаньтянь.

— Здесь немало одаренных, — заметил Сяо Танцин, окинув взглядом оживленную толпу на торговой улице.

— В основном вольные практики, — пояснил Цзи Гуаньци. — Наш город лежит у самых границ владений Ордена Сюаньтянь, на стыке с землями Ордена Десяти Тысяч Зверей. Тут всегда процветала свободная торговля, а на рынках можно достать редчайшие диковины.

На их счастье, задержанные в поселке темные практики оказались трусливыми дилетантами. Попадись им более тертый пройдоха, который твердил бы, что просто идет навестить родню в Городе Весенних Вод, даже хваленая проницательность Цзи Гуаньци не помогла бы вывести их на чистую воду.

Вскоре отряд отыскал уединенный и тихий постоялый двор. Не поскупившись на золото, они выкупили почти все свободные покои.

Чжэньнань поднялся по деревянной лестнице на второй этаж и остановился у дверей отведенной ему комнаты. Он ожидал, что Цзи Гуаньци, как обычно, расположится вместе с ним, однако юноша без лишних разговоров направился к самому дальнему покою в конце коридора.

Гостиница была просторной, свободных комнат хватало с избытком, так что делить ложе больше не имело никакого смысла.

Глядя вслед ускользающему ученику, Чжэньнань нахмурился. Уютные интерьеры гостиницы внезапно показались ему на редкость безвкусными и раздражающими.

«Надо было выбрать место поскромнее», — с досадой подумал он.

Сам же Цзи Гуаньци чувствовал себя превосходно. Он с удовольствием растянулся на мягкой постели, но едва успел закрыть глаза, как снаружи раздались вкрадчивые шаги. Приподнявшись, он увидел замершего на пороге Сяо Танцина.

— Старший брат, я могу войти? — спросил гость.

— Что-то стряслось? — сухо осведомился Цзи Гуаньци.

Сяо Танцин замялся, занеся ногу над порогом, но предпочел проигнорировать холодность хозяина. Сделав шаг внутрь, он остановился у двери:

— Старший брат, я помню, что то редкое противоядие, которое тебе сегодня отдал наставник, ты когда-то сам преподнес ему в дар. Тогда у тебя ведь было две пилюли: одну ты отдал учителю, а вторую оставил себе. Младший брат Си Яо тяжело отравлен... Не мог бы ты уступить ему свой оставшийся флакон? Клянусь, со временем я раздобуду точно такое же снадобье и верну тебе долг.

Цзи Гуаньци молча выслушал эту тираду, а затем не выдержал и негромко рассмеялся.

Его тихий смех привел Сяо Танцина в замешательство. Не понимая, что вызвало такую реакцию, он растерянно спросил:

— Что тут смешного, брат?

— А ты как думал? Как, по-твоему, мне удалось выбраться живым из ядовитых топей, кишущих проклятыми тварями? — Цзи Гуаньци поднялся и распахнул деревянные створки окна. Из комнаты открывался чудесный вид на излучину Реки Весенних Вод. Скоро сумерки укутают город, и на воде зажгутся разноцветные фонарики прогулочных лодок. Ожидание приятного вечера вернуло ему доброе расположение духа. — Пилюль действительно было две. Но одну из них мне пришлось проглотить на месте, чтобы не сгнить заживо. Иначе я бы просто не вернулся. Или ты считаешь, что я бессмертный небожитель, которому не страшен никакой яд?

Сяо Танцин опешил.

На самом деле судьба Си Яо волновала его сейчас меньше всего — он лишь искал благовидный предлог, чтобы побыть рядом с Цзи Гуаньци и поговорить с ним наедине. Но разговор явно с самого начала пошел не в то русло.

Раньше старший брат разбился бы в лепешку ради благополучия соучеников. Стоило кому-то заикнуться о чужой ране, как он тут же забывал о себе.

— У тебя есть еще какие-то вопросы? Если нет, я бы хотел отдохнуть с дороги, — прямо намекнул Цзи Гуаньци.

Услышав столь недвусмысленный отказ, Сяо Танцин, при всей своей наглости, не посмел оставаться дольше. Он уже сделал шаг назад, намереваясь уйти, как вдруг соседняя дверь с грохотом распахнулась. На пороге показался мрачный, как грозовая туча, Чжэньнань.

— В ордене возникли неотложные дела. Мне нужно срочно отлучиться. Ждите здесь моего возвращения, — бросил он ледяным тоном и в то же мгновение бесследно растаял в воздухе, не став утруждать себя лишними объяснениями.

Сонливость Цзи Гуаньци как рукой сняло. Он мгновенно сел на постели, и в его глазах вспыхнул искренний, ликующий азарт.

Еще минуту назад он мысленно проклинал несправедливую судьбу, но теперь, когда самый грозный и непредсказуемый надзиратель покинул их, Цзи Гуаньци понял: наконец-то наступило время для настоящей свободы.

<http://bllate.org/book/20080/1994999>